

Шелгунов Николай Васильевич

Очерки русской жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич Ш.**
Очерки русской жизни / Шелгунов Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 563 с.

ISBN 978-5-521-30913-9

ISBN 978-5-521-30913-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Въ серединѣ 1884 года прекратилось изданіе журнала „Дѣло“; Николай Васильевичъ Шелгуновъ оставшись „не у дѣла“, поселился въ Смоленской губерніи въ имѣніи А. Н. Попова.

Отправился туда Николай Васильевичъ въ „литературную отставку“, но отставку получить онъ только 12-го апрѣля 1891 года—со своей смертью.

Вновь взявшись за работу, Н. В. написалъ нѣсколько фельетоновъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, два изъ которыхъ вошли въ настоящее изданіе (главы I и II). Но фельетонная работа была не въ его характерѣ и настоящее мѣсто покойнаго было въ толстомъ журналѣ. Это-то мѣсто и нашелъ онъ въ „Русской Мысли“, въ которой, пачиная съ января 1886 года, помѣстилъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Очерки русской жизни“. Статьи эти касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашей жизни и значительно отличаются по характеру отъ статей предъидущей его литературной дѣятельности. Въ это время Н. В. жилъ уже отдѣльной жизнью, вдали отъ людей, въ обществѣ которыхъ вращался раньше и на нашу жизнь, по его собственнымъ словамъ, смотрѣлъ какъ бы изъ партера.

Въ одномъ изъ писемъ къ близкому ему человѣку Н. В., характеризуя свою литературную дѣятельность говоритъ, что послѣднее время онъ мало по малу сталъ пріобрѣтать властный, поучающій тонъ и видитъ, что этотъ-то тонъ и нуженъ, что сначала онъ боялся писать руководящимъ способомъ, но видитъ, что руководящихъ-то статей и требуетъ наша читающая публика.

Въ очеркѣ III „Что читать и какъ читать“ Н. В. говоритъ о „письменной литературѣ“, т. е. о той массѣ писемъ, которые получаетъ отъ своихъ читателей писатель, берящій большое мѣсто нашей жизни, писемъ живыхъ съ живыми вопросами, отвѣтить на которые и стоитъ и хочется. И каждая почта приносила покойному много такихъ писемъ. Съ удовольствіемъ отвѣчая на нихъ иногда прямо, иногда печатно, онъ видѣлъ въ тѣхъ, кто пишетъ эти письма, мыслящихъ и ищущихъ истину людей.

Н. В. нерѣдко упрекали въ пессимизмѣ. Все время печатанія очерковъ на нихъ производились нападки нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Всѣхъ сортовъ были нападки и идейные и личные, и спокойные и

озлобленные. Нападки, сыпавшіяся на Н. В., сводились главнымъ образомъ къ его яко-бы пристрастности, къ слишкомъ предвзятому взгляду на явленія русской жизни и намѣренному замалчиванію свѣтлыхъ явленій.

Въ нѣсколькихъ очеркахъ Н. В. отвѣчалъ на эти нападки, мы же обратимъ вниманіе только на то, что онъ не былъ пессимистомъ—и твердо вѣрилъ въ торжество идей добра и справедливости. Въ последнемъ своемъ очеркѣ Н. В., говоря о „восьмидесятилѣтіяхъ“ и ихъ направленіи, высказываетъ мысль, что мы присутствуемъ при ихъ отходной. И онъ вѣрилъ, что волна общественной жизни, опустившись внизъ, снова пойдеть вверхъ и не только пойдеть, но и идетъ.

И еще одинъ фактъ подчеркнемъ: Н. В. часто говорилъ: „я браню свое потому, что хочу, чтобы оно сдѣлалось лучше“. И смѣло можно сказать, что немногіе хотѣли этого „лучше“ такъ искренно и горячо.

О. Н. Попова.

— — — — —

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Въ Смоленской губерніи на мельницы крестьяне привозят такой хлѣбъ, что стыдно въ руки взять: земли, мякны, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна. — «Посмотри, что ты привезъ; какъ это молотъ?» — говорятъ мужику, — а онъ съ добродушной проніей отвѣчаетъ: «Люди не свиньи, — съѣдятъ». Мужикъ хочетъ сказать, что даже свиньи не станутъ ѣсть того, что ѣдятъ люди. Хороша-же жизнь, вызвавшая такую процію! Но бѣда не въ томъ, что человекъ можетъ упасть на самый низкій уровень требованій и привычекъ, а въ томъ, что онъ трудно поднимается. И бѣднѣе, какъ болѣзнь, входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Чистой ржи здѣшній мужикъ заготавливаетъ немного, только для пироговъ, да и она всегда смѣшана съ землей и гнилью. Вторые сорта хлѣба крестьяне называютъ «половыми», потому что въ нихъ наполовину мякны и всякой дряни. Между половыми хлѣбами въ первомъ номерѣ стоитъ «половая рожь»; это — рожь, въ которой болѣе трети мякны, сору и земляной пыли. Когда мужикъ высыпаетъ такую половую рожь въ мельничный мѣрникъ, то поднимается пыль столбомъ, какъ на большой дорогѣ. За половиной рожью слѣдуетъ «бѣлая субарь» — смѣсь ржи и ячменя съ мякиной и земляной пылью; «черная субарь» — смѣсь ржи, гречихи, овса, ячменя и земляной пыли; «блины» — смѣсь ячменя и гречихи; «кисель» — очень тонко смолотая овсяная мука, и наконецъ мука пшеничная, изъ хорошо провѣянной, промытой и высушенной пшеницы. Это сорта хлѣба для человека. Отбросы, остающіеся при вѣяніи, идутъ въ «посынку» на коритъ «надворнымъ свиньямъ», а надворными зовутъ молодыхъ свинятъ, которые еще не доросли до свободы, а потому ихъ держать дома. Съ замѣчательною предусмотрительностью мужикъ создаетъ для своихъ хлѣбовъ послѣдовательную очередь въ употребленіи. Это цѣлая кулінарно-гастрономическая система, но приравленная не для удовлетворенія вкуса, а для развитія и поддержанія рабочей силы. Мужикъ не ѣстъ свой хлѣбъ такъ «зря», онъ не позволяетъ бабѣ печь хлѣбъ, изъ какой муки ей задумается, а она должна приравливаться къ рабочему сезону. Какъ путешественникъ, отправляющійся къ сѣ-

верному полюсу, старается набраться силъ, такъ поступаетъ и нашъ мужикъ, готовясь къ рабочей порѣ. Начиная съ ранней весны, и особенно во время сѣнокоса, когда приходится работать въ упоръ, мужикъ ѣстъ свои лучшіе хлѣбные запасы. Если у него вышелъ хлѣбъ, онъ и въ долгъ не возьметъ дурнаго хлѣба. На вопросъ: «какого тебѣ хлѣба — субари, ячменя, овса?» мужикъ всегда отвѣтитъ: «ржаного-бы». Ему теперь нужна «крѣпкая» пища, и плохого хлѣба мужикъ избѣгаетъ. Во время сѣнокоса у него на завтракъ въ скоромные дни идетъ «кулешъ», приготовленный изъ пшеничной муки, а въ постные — «кисель». «Кулешъ» — тотъ же кисель, но приготовленный не изъ овсяной, а изъ пшеничной муки. Полевая рожь и субарь — это осенніе и зимніе хлѣба, когда работа не требуетъ большихъ успій, и нужда велитъ тощать. Но и для отождѣленія есть очередь. Осенью мужикъ ѣстъ половую рожь, затѣмъ переходитъ къ бѣлой субари и кончаетъ черной. Черная субарь — самый дурной и трудно варимый хлѣбъ, и его дѣлаютъ такимъ гречиха. Если-бы мужикъ отказался отъ половаго хлѣба, ему съ половины зимы нечего было бы ѣсть. Но мужикъ очень хорошо знаетъ, что мякны — не хлѣбъ, и здѣшніе мельницы приравливаясь къ спросу, мелятъ для мужика не то, что они стали бы молотъ для петербургскихъ булочниковъ. Мужикъ требуетъ муки самой мелкой, такой, чтобы мякина измолотась въ самый тонкій порошокъ. На нашей мельницѣ ижемень-мельникъ началъ было молотъ муку, какъ онъ привыкъ у себя «для высшихъ и культурныхъ» потребителей, но мужики нашли, что мука «не хороша».

Предѣломъ высшаго достоинства служить мука для киселя, но для низкаго сорта хлѣба предѣла нѣтъ, оттого-то мужикъ и говоритъ, что «люди не свиньи». Худой сортъ хлѣба иногда ничѣмъ не отличается отъ гнилой соломы, сбитой съ крышъ. Почему это можетъ случиться, мужикъ знаетъ, да «ничего не подѣлаешь». Я уже говорилъ, что за помолъ крестьяне платятъ натурой (мельникамъ это не особенно нравится), и потому на мельницахъ скопилось неѣ кормы крестьянскаго хлѣба — тутъ и чистая рожь съ пескомъ, и полевая, и субарь, и блины, и кисель, и посынка. Хлѣбъ этотъ, собираемый мелочами, изображаетъ собою «статисти-

ческую» среднюю величину, съ нѣкоторою наклопностью къ минимуму достоинства, потому что «худыхъ» мужиковъ больше чѣмъ хорошихъ. Такого хлѣба, собраннаго гарницами, бываетъ на большихъ мельницахъ за 1000 пудовъ. Собранный хлѣбъ разнѣчается по сортамъ и хранится въ амбарахъ. Когда наступитъ весна, а съ нею и раздача хлѣба въ долгъ, мужики, соблюдая очередь, берутъ хлѣбъ ржаной, хорошей. Субарь же лежитъ и ждетъ очереди. Когда же, наконецъ, наступаетъ пора и для субари — она оказывается залежалой, старой и затхлой. На хорошихъ мельницахъ хлѣбъ сохраняютъ лучше, по въ хозяйствахъ маленькихъ, гдѣ амбары плохи, текутъ и сквозятъ, и хлѣбъ сберегается плохо. Въ дурной годъ, когда на мельницахъ и у владѣльцевъ хлѣба не много, отпускаются, наконецъ, всякіе поскребыши (и пшъ рады мужики). Вотъ этотъ-то залежалый, затхлый и поскребенный хлѣбъ даютъ, когда его мелятъ, такой запахъ, что тошнитъ. И правъ мужикъ, что «пшъ чего не подѣлаешь». Это какой-то несчастный и несчастный круговоротъ, начинающійся и кончающійся мужикомъ. Наготовивъ хлѣба, мужикъ его осенью и зимою смелетъ и выплатитъ мельницѣ натурой, потому что тотъ-же хлѣбъ и съ той-же мельницы онъ возьметъ весной въ долгъ, по уже затхлый. Осенью возвратитъ долгъ свѣжимъ хлѣбомъ, а весной опять получитъ тухлятину. Мельница становится какъ бы запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, и бесконечная игра въ долгъ и отдачу ведется какъ бы только для ослѣженія хлѣба — и, конечно, мельничнаго, потому что если на мельницѣ есть хлѣбъ, свѣжій и не свѣжій, то нужно думать, что мельникъ прибережетъ свѣжій хлѣбъ для продажи за деньги.

Попадъ въ это нескончаемое колесо, мужикъ рвется изъ него пшъ всѣхъ силъ, хотя въ то же время и говоритъ, будто «ничего не подѣлаешь». Стихийно или не стихийно, сознательно или безсознательно, но мужикъ, какъ и пчела, умѣетъ пасть медъ. Правда, у пчелъ бываетъ иногда медъ дурной и горькій и бываютъ года голодные, такъ что цѣлые ульи вымираютъ. Все это случается и съ мужикомъ, по тѣмъ не менѣе энергіи его неутомимости въ отысканіи хоть горькаго куска хлѣба шагъ за шагомъ создаетъ новыя комбинаціи вещей, изъ которыхъ получаются и новыя результаты. Не по прихоти вкуса ѣсть мужикъ гнилую субарь, — а бѣдность, нужда, голодъ: мужикъ отлично знаетъ вкусъ не только чистаго ржанаго хлѣба, по и пшеничной булки, и вся его скудно-однообразная мускульная трудовая жизнь направлена къ этому скромному идеалу. И нельзя сказать, чтобы мужикъ къ нему уже и вовсе не подвигался, по онъ подвигается медленно, что со времени освобожденія едва-ли приблизился даже и на полъ-своего мужицкаго маленькаго шага. Когда освобождали крестьянъ, помѣщики боялись остаться безъ рабочихъ и потому приняла весьма предусмотрительныя мѣры, заключавшіяся въ томъ, что мужикъ получилъ земли меньше, чѣмъ ему нужно, чтобы ѣсть чистый черный хлѣбъ. Обѣ стороны

остались въ такомъ положеніи: помѣщикъ безъ дароваго рабочаго, а мужикъ на черной субари. Мужикъ было сказано: «вотъ тебѣ Богъ, и вотъ тебѣ дверь, пди на всѣ четыре стороны». И, отправившись на всѣ четыре стороны, мужикъ увидалъ, что у него и пашни мало, и луговъ мало, и лѣсу мало, а выгону и совѣмъ нѣтъ. Все это «мало» и «нѣтъ» оказалось въ «отрѣзкахъ», которые остались за крестьянскими землями, и вотъ на эти-то «свободные» отрѣзки и направилъ теперь мужикъ свое безсознательное (а можетъ быть и сознательное) мышление.

Несмотря на все разнообразіе «народовъ Россіи», племенное, климатическое, почвенное, всѣхъ ихъ соединяетъ одна общая мать — бѣдность, и общій всѣмъ идеалъ пшеничной булки. Общія условія «народовъ Россіи» вслѣдъ одинаковы, вслѣдъ у мужика мало земли и это «мало» нужно дополнить. Самый простой способъ дополненія того, чего не достаеъ, — способъ впрочемъ старый — заключается въ томъ, что мужикъ беретъ то, чего ему недостаеъ, въ аренду. Но для этого нужно изобрѣсть что нибудь другое. И вотъ безденежный мужикъ придумалъ два компромисса: онъ беретъ землю «исполу» или «кругами» и «гнѣздами». Исполу сдаетъ землю только «прогорающій» владѣлецъ, по владѣлецъ, у котораго найдется сотни — другая, этого дѣлать не станетъ, а сдаетъ землю кругами или гнѣздами. Способъ этотъ явился послѣ освобожденія во многихъ мѣстностяхъ, по удержался не вслѣдъ. Тамъ, гдѣ теперь трехъ-польная система смѣнилась многопольной, онъ исчезъ.

Гнѣздовая обработка заключается въ томъ, что нѣсколько семействъ составляютъ артель и за условную плату обрабатываютъ пшѣстное пространство земли, которое и называется «гнѣздомъ» или кругомъ. Въ «кругѣ» обыкновенно бываетъ три десятны земли — десятна озимая, десятна яровая и десятна луговая. За обработку крестьяне кромѣ денегъ получаютъ или сѣнокосъ, или выгонъ, или право пастбы. Для землевладѣльца такой способъ обработки очень выгоденъ; не нужно ему имѣть ни плуговъ, ни сохъ, ни боронъ, ни лошадей, ни косъ, ни граблей. Все это принесть, привезуть и привести крестьяне свое собственное. Владѣлецъ же, не заботясь ни о чемъ, можетъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, сидѣть спокойно у себя дома и курить папирсы, или же выѣхать въ поле только для прогулки.

Въ нашей мѣстности обрабатываютъ этимъ способомъ землю всѣ землевладѣльцы, даже такіе, у которыхъ земли болѣе 1,000 десятинъ, значить въ каждомъ полѣ десятинъ по сту. Въ окрестности 50 верстъ у насъ живетъ 15 владѣльцевъ и всѣ они, кромѣ того, сдаютъ землю «гнѣздами». Только одинъ, составляющій исключеніе, сдаетъ «исполу», по уже это печальный признакъ, указывающій на начало конца. Обыкновенно за обработку гнѣзда мужики берутъ отъ 20 — 30 рублей, иногда даже и дешевле, если деревня окружена такими отрѣзками, безъ которыхъ мужикамъ совѣмъ зарѣзъ. Въ такихъ случаяхъ бываетъ, что крестьяне обра-

близко к земле даромъ, только бы имъ попользоваться отрубками. Если считать всю работу, которую съ лошадью придется отъ 15 до 20 к. в день, то в страдную пору, когда крокъ землевладельца долженъ слѣдить за работами на себѣ. Даже бабы подещины получаютъ 20 к., да и тѣ недовольны. Былъ я свидѣтелемъ такого случая. Во фруктовомъ саду очищали и окатывали яблони. Чтобы сносить сучья, были наняты мальчики по 25 коп. въ день, а для ссыкаиванія съ яблонь моха—женщины по 20 коп. въ день. Мальчишки, въ качествѣ взрослыхъ мужиковъ, начали тринуть надъ дѣвками и бабами, что имъ даютъ дешево, а что вотъ «мужикамъ», за работу болѣе легкую, платятъ дороже. Насмѣшка подѣйствовала, дѣвки и бабы обидѣлись, и сдѣлали бунтъ, потребовали прибавки. Ну, конечно, этотъ бунтъ кончился, какъ кончаются все бунты изъ-за заработной платы. Недовольныхъ разсчитали, а «довольныхъ» согласились ходить по 20 коп. Мораль этого случая та же, что и для «кругоной» обработки. Захочетъ мужикъ спросить дороже, и ему совѣтъ откажутъ отъ работы. «Вѣдь вы же знаете, что это дешево?» спрашиваютъ мужиковъ. «Знаемъ»—отвѣчаютъ они.—«Зачѣмъ же вы идете?»—«Да ничего не подѣлаешь». И, дѣйствительно, ничего не подѣлаешь. Есть тутъ деревня, которой безъ отрубковъ ни впередъ, ни назадъ, даже скота некуда выгнать. Сосѣди задумали спросить дороже и за такую грубость отрубковъ не получили, и были они сданы болѣе отдаленнымъ крестьянамъ; словомъ, съ мужиками было поступлено совершенно какъ съ тѣми бабами, надъ которыми смѣялись мальчишки. Но вѣдь тутъ уже не смѣхъ, что если мужикъ въ страду не захочетъ работать за 15—20 к. въ день, то останется не при чемъ. И хотя бы этимъ и кончилось, а то пойдутъ «утѣшенія» и скотъ все дѣло держи чуть не въ изѣ. Есть землевладельцы, которые думаютъ, что мужикъ, понимая, какъ не выгодно гнѣздовую обработку (точно онъ этого и теперь не понимаетъ!) наконецъ отъ нея откажется, и землевладельцы безъ рабочихъ. Но, поговоривъ съ крестьянами, видишь, что одного пониманія для этого еще мало.

Мужикъ не цѣнитъ свой трудъ и не въ такихъ привычкахъ, чтобы цѣнить его. Все условія его жизни и даже сама природа не приучила его къ экономіи труда. Лошадь у него безспяная, телѣженка маленькая, дороги зимой и лѣтомъ скверныя, растенія огромныя,—ну какъ при такихъ условіяхъ ему беречь свои руки, ноги и плечи? Сосчитайте, напримѣръ, какого труда ему стоитъ провезти на свѣтъ черную субаръ? Съ затратой той же силы онъ могъ бы выѣхать пшеницу, арбузы, чуть не гаванскій табакъ. Какъ же мужику не видѣть, что цѣна его труда—нуль. Ему, напримѣръ, въ отрубкахъ не трудъ важенъ, а чтобы былъ у него отрубъ и не было бы «утѣшенія», тутъ ему дорого еще и моральное благо, за которымъ онъ гонится. Конечно, ему важенъ и выгонъ, важно и сѣно на зиму, но что сѣно ему обойдется во столько, что онъ могъ бы выстроить пирамиду Хеопса, онъ

и думать не станетъ, а только махнеть рукой и отвѣтить своей стереотипной фразой: «ничего не подѣлаешь». «Условія успешности труда», какъ ихъ понимаютъ люди, у которыхъ есть превосходныя дороги, отличныя лошади, прекрасныя машины и не наши порядки, у насъ являются величиной, для которой нѣтъ никакихъ мѣсовъ. Вотъ, если мужикъ добылъ себѣ отрубъ, значитъ трудъ его былъ успешный. Спросите мужика, трудна ли была ему обработка, онъ отвѣтитъ: «трудна», но совершенно такъ же, какъ отвѣтитъ сибирякъ, когда вы спросите его зимой, — «холодно-ли»? — Холодно, скажетъ онъ, и вы уже узнаете, что на дворѣ 40°, а то, пожалуй, и 50°.

Пока мужику нужны отрубъ, онъ едва-ли откажется отъ гнѣздовой обработки, какъ-бы она ни была ему тяжела. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерціи эта система тоже практиковалась первое время послѣ освобожденія. Но когда владельцы перешли къ шести-и восьми-польному хозяйству съ клеверомъ, обработка гнѣздами прекратилась, потому что оказалась невыгодной для владельцев и невозможной для мужиковъ. Для владельцев была невыгодна мелкая вспашка сохами, а мужикамъ оказалось не подъ силу поднимать задергившую землю, стоявшую подъ клеверомъ 5—6 лѣтъ. Такъ круги и прекратились. Прекращеніе это было «естественнымъ» слѣдствіемъ новыхъ земледѣльческихъ условій, а въ нашей мѣстности причинъ для подобнаго слѣдствія нѣтъ, и не предвидится. У насъ хозяйство трехпольное, ведется оно по старому, и рѣшительное большинство владельцев не желаетъ улучшеній, потому что безъ затратъ и безъ лишннихъ хлопотъ не введенъ. При такихъ скромныхъ желаніяхъ владельцевъ самъ Богъ послалъ имъ гнѣздовую обработку. Правда, что крестьяне съ гнѣздами хозяйничаютъ по своему, по деревенски, не лучше и не хуже, безъ всякой «интенсивности». Но вѣдь если владельцамъ и не нужно ничего лучшаго и клевера они сѣять не станутъ, то пужно думать, что при этихъ условіяхъ мужикъ еще долго будетъ нуждаться въ отрубкахъ и обрабатывать земледѣльческія гнѣзда.

Владѣлецъ, обрабатывающій свою землю гнѣздами, сидитъ, какъ у Христа за пазухой. Имѣя 50 десятинъ въ полѣ, онъ получаетъ чистаго дохода до 3 т. р. И во все время, что на него работаютъ, онъ не шевелитъ палецъ о палецъ и только куритъ папиросы. И зачѣмъ тутъ еще какія-то улучшенія, когда и такъ хорошо? Владѣлецъ не только ничѣмъ не рискуетъ, не держитъ инвентаря, не имѣетъ никакихъ расходовъ,—ему и думать даже не зачѣмъ. Одно необходимо—имѣть рогатый скотъ, потому что навозъ долженъ быть отъ владельца. Но скотъ дастъ владельцу густыя ароматическія сливки къ кофе и прекрасное, душистое сливочное масло. На огородахъ и парникахъ растетъ чего только душа не пожелаетъ: спаржа, рѣдька, цвѣтная капуста, сахарный горошекъ, всякія ягоды, даже мамура, а въ садахъ: яблоки, груши, вишни, сливы. И птицы въ хозяйствѣ какой хочешь: куры, гуси, утки, куры высидятъ—

вают по 200 цылинь. Осенью кончатся окорока, гусинья лопатки, готовится всякие маринады и соленья, варится варенье всяких сортов. Это-ли не жизнь! Лето же (а лето здесь хорошее), сидя на балконе и попивая утренний кофе с душистыми сливками, можно любоваться разными красивыми сельскими картинами, например, картиной спокойствия, когда косцы в красных рубахах, дружными сильными ударами косы кладут ридань скошенную траву, или, наработавшись, садятся кругом и поддвигают «кулемом» или горюховым киселем... Теперь только в домашней прислуге соблюдается экономия, но если владелец не окончательно безпутный человек, то жить ему можно хорошо, спокойно, в свое удовольствие и при среднем даже пятни держат для детей гувернантку-пестю. Так и живут здесь владельцы. Жизнь стала только меньше парадна, дома как будто сбрис с виду, внутри меньше убранства и щедрости; но все владельцы, которых я здесь знаю и вижу, держат поваров, кучеров и гувернанток или гувернеров. Деревня и теперь рай для того, у кого она есть; в нашей местности все владельцы живут зиму и лето в деревне и не променяют деревни на город. Слава Богу, с освобождения прошло уже 24 года, времени довольно, чтобы уравниваться и притереться к новым условиям; успело даже вырасти новое поколение, а толки все не прекращаются о какой-то захудалости и разорении. Да ведь кто из четверть века не сумел пойти себе места в природе и настоящего дала, тому не только государственный кредит, но и двухсот-тысячный выигрыш ничего не поможет.

Для мужика гнѣздовая обработка пока неизбежна, прежде всего потому, что она выручает его из денежной нужды. Мой сосед, например, сдает 55 гнѣзд и за каждое платит по 27 р. По условию половина денег должна быть отдана в марте, а другая половина — по окончании работ. Значит, весной крестьяне получают 742 р. 50 к., да столько же осенью. Вот они и платят все подати и налоги. Вообще здешний мужик в деньгах очень нуждается, зарабатывать же он их может только грубым мускульным трудом. И на это есть причина. В других уездах, где земля плоха или ей и советам мало, мужики начинают коновалить и уходят на заработки в сторону. У нас в губернии есть такие волости, где все, от мала до велика, уходит на плотничьи работы, а дома остаются только бабы да старики. Бабы шьют, косят и исполняют все мужские работы, только одного он не умеют: точить и приводить в порядок земледельческих орудий; вот этим-то и занимаются старики. Но в нашей местности земля хороша, хотя ей мало, мужик может найти дело дома и потому он сохраняет тип чистого земледельца и живет только земледельческим заработком. Поэтому у нас и в батраках не бывает недостатка. У нас батраков держат не только владельцы, но и крестьяне. На севере и в подмосковных губер-

ниях крестьянин, нанимающий работника, непременно богат; он и чай пьет по нескольку раз в день, да и сам похож на самовара. Здесь батраков держат и средние крестьяне. Например, наш лесник, человек уже советский, небогатый (оттого он и в лесники пошел) чаю никогда не пьет (чего здесь и в заводе нет) и на самовар не похож, а батрака держит. За охранение леса он получает 100 р., 40 р. платит батраку, помогающему ему в хозяйстве (без батрака он опустошил бы хозяйство), а 60 р. остаются на всякие расходы.

Первое время после освобождения охотников в батраки было меньше, а теперь их стало больше. Это оттого, что народу прибавилось, а земли нет. В деревнях, где крестьяне не делятся и живут большими семьями, всегда найдутся в доме 1—2 человека, которым на своем надлежит делать нечего. В батраки идут еще и отставные солдаты, а то и крестьяне по какому-нибудь случайному обстоятельству. Вообще батрачество в жизни крестьянина случайность, а не состояние, тем более постоянное. Есть люди, которые считают батрачество для себя более выгодным, чем крестьянство. У нас, например, живет солдат, уволенный из службы по малосилу; деревенские работы ему трудны и он уступил свой надель брату, сам же пошел в батраки. В первый год он получал 50 р., а теперь (3 год) получает 70 р. Солдат этот состоит у нас при «искусствах»: он немножко плотник, немножко столяр, немножко маляр и стекольник. Одним словом, парень с «умными руками» и для его талантов является всегда обширное поле. В глухом месте, из которого никуда не доскачешь, искусный человек дорог, и Андрей, хотя он во всех «искусствах» только «немножко» — чистый клад. В крестьянской деревне «умным руками» Андрея делать было бы нечего, потому что здешний крестьянин живет «натуральным» хозяйством и делает все сам. Недавно Андрей советствовал со мной, куда бы ему лучше положить 100 р., которые он прикупил (Андрей ужасно скуп: не пьет, не курит, живет «монахом») в банк-ли, в ссудо-сберегательное товарищество или купить государственный билет. Много и долго мы соображали этот вопрос и, рассмотрев его со всех сторон, решили, что лучше положить в государственный банк, по именному билету, потому что даже если билет и украдут, деньги все-таки не пропадут. Проценты Андрея не лишняя. Андрей для города не годится, у нас же жить ему легко, а деньги прибавляются. Иронично, между крестьянами найдутся и многие, которые, как Андрей, идут в батраки, по специальным личным причинам. Одним словом, если бы владельцам понадобился батрак, то нужно думать, что их нашлось бы довольно.

Пока же владельцы в батраках не нуждаются и держат их в небольшом числе. Обыкновенный штат среднего владельческого хозяйства: скотник с несколькими скотинками (сгодит, о кото-

ромъ и говорилъ, держитъ 150 головъ рогатаго скота, по здѣшнему этотъ владѣлецъ, пожалуй, крупный); пастухъ, 3—4 батрака (одинъ изъ нихъ старшій), кучерь, поваръ, «хозяйка» (стряпуха для служащихъ), одна или двѣ иракчи, горничная; съ женами и дѣтьми наберется человѣкъ 20—25—30. Съ такимъ штатомъ и гнѣздовой обработкой земли владѣлецъ имѣетъ все, что ему нужно и въ новомъ кредитѣ не нуждается. Да ни одинъ настоящій хозяинъ нашей мѣстности къ нему и не обратится. Для оборота ему весной советѣтъ довольно 200—300 р., а такіе деньги у хозяина всегда есть.

Но положеніе крестьянина другое. Владѣлецъ ни въ чемъ не нуждается, даже дешевый кредитъ ему не нуженъ, а крестьянинъ въ землѣ нуждается и копитъ деньги, на которомъ онъ пока остановился, держать его на полбовомъ хлѣбѣ, да на субарии. Положеніе крестьянскаго труда совершенно не нормальное и какое же это нормальное положеніе,

если мужикъ съ лошады зарбатывать въ день 20 к., а бабы пахутъ землю и косятъ траву, мужики же ни пахать, ни косить не умѣютъ («никто изъ насъ этого не умѣетъ» говорили мнѣ плотники). Однако не слышно, чтобы здѣшніе мужики собирались переселиться; для этого нужно, должно быть, еще худшее положеніе, но къ крестьянскому банку они обращаются и не далѣе, какъ на дняхъ, мнѣ рассказывалъ мужикъ, какъ съ ними случился грѣхъ. Купили они въ банкѣ на торгахъ 206 десятинъ (это по плану и описи), а въ натурѣ земли оказалось 124 дес. Такъ-ли все это, въ чемъ недоумѣніе, — мужикъ объяснить не могъ, но что-то такое, что требуетъ разъясненія, тутъ есть. Вообще здѣшній мужикъ ходитъ за землей, какъ охотникъ за зайцемъ, и если, какъ говорятъ, земли есть «орудіе прозяводства», то нашъ мужикъ похожъ немножко на плотника, у котораго есть все, кромѣ топора.

II.

Введенъ новый налогъ на процентныя бумаги, и вслѣдъ за тѣмъ къ намъ пришелъ «окладные листы денежныя земскихъ повинностей, слѣдующихъ къ поступленію въ 1885 году». Думаю, что это вполне достаточная причина, чтобы поговорить о налогахъ.

Да, читатель, у насъ дѣйствительно все не такъ, какъ у добрыхъ людей, хотя несомнѣнно, что со временемъ и у насъ станетъ «такъ». Всякій изъ насъ знаетъ папаясть, что народъ нашъ подавленъ налогами. Объ этомъ вотъ, уже тридцать лѣтъ, пишется во всѣхъ газетахъ и во «внутреннихъ обозрѣніяхъ» всѣхъ толстыхъ журналовъ, и наконецъ теперешнее министерство финансовъ податной вопросъ поставило на очередь преобразованій. Тому же, кто живетъ въ деревнѣ, лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, что мужикъ отдастъ кому-то и куда-то всѣ свои деньги и никогда у него не найдется свободнаго гроша. Но вотъ я просматриваю государственную роспись на 1885 годъ и оказывается, что если мужикъ и не живетъ какъ бы въ царствѣ небесномъ, свободно отъ всякихъ платежей, то нельзя также сказать, чтобы и платилъ онъ ужъ очень много. Прямые налоги, т. е. то, что берется прямо съ мужика (подати, поземельный и лѣсной налоги), составляютъ 110 милліоновъ. Это значитъ, что на каждаго мужика (считая ихъ 50 млн.), приходится по 2 руб. Предполагаю даже (а это такъ и въ дѣйствительности), что взрослые платятъ за стариковъ и дѣтей, все-таки прямые налоги составляютъ на каждаго плательщика отъ 3-хъ до 4-хъ рублей. Это платить еще можно, и если у мужика нѣтъ въ карманѣ ни гроша, то даятъ, значитъ, не прямые налоги. Что-же, въ такомъ случаѣ давятъ налоги косвенные? Косвенныхъ налоговъ у насъ, дѣйствительно, четверо больше, чѣмъ прямыхъ, но и они, какъ будто, проходятъ надъ головой мужика. Въ Европѣ этого нѣтъ; тамъ отъ косвеннаго налога не избавились и нигдѣ не убѣжишь, а у насъ избавиться можно. Нашъ мужикъ (за немногими исключеніями) какъ есть еще

«натуральный мужикъ» и можетъ прожить цѣлый свой вѣкъ, не заплативъ ни копейки косвеннаго налога. Одѣвается онъ въ звѣриную шкуру, которую снимаетъ съ доморощеннаго барана; лапти онъ плететъ изъ лыка, за которыми ходитъ въ сосѣдній лѣсъ; рубашку тклетъ ему баба изъ домашнего льна или конопля; хлѣбъ, капуста, картошка, сало, свинина, баранина, а подчасъ и мясо, все это тоже домашнее. И если мужикъ не пьетъ водки (а такихъ не мало), то, подобно Робинзону Крузе и другу его, Пятницѣ, онъ можетъ прожить совершенныхъ дикаремъ, не внося ни малѣйшей лепты на алтарь отечества, или, проще, въ государственное казначейство.

Пока нашъ Робинзонъ живетъ въ цивилизаціи, косвенные налоги его советѣтъ не касаются (если онъ не будетъ пить водки), но онъ сейчасъ же начинаютъ преслѣдовать его, какъ только онъ вздумаетъ завести самоваръ, купить чаю, сахару, имѣстолаптей носить сапоги, вмѣсто звѣриной шкуры — суконное пальто и вмѣсто поскони — ситцевую рубашку. Чѣмъ къ большимъ удобствамъ жизни будетъ стремиться человѣкъ, тѣмъ больше будутъ его преслѣдовать косвенные налоги, точно они придуманы для того, чтобы человѣкъ не желалъ никогда ничего лучшаго и всегда бы сохранялъ звѣриный образъ. Перейдя изъ прямыхъ налоговъ въ косвенные и сдѣлавшись вкладчикомъ въ доходъ питейный, въ акцизъ съ табаку, въ акцизъ съ свеклосахарнаго производства и въ доходъ таможенный, одичавшійся Робинзонъ вступаетъ въ слѣдующую степень развитія, по которой съ него требуются очень разнообразныя пошлины. Какую-бы онъ ни выдумалъ теперь сдѣлать сдѣлку, за каждую онъ долженъ заплатить пошлину или горбоную, или крѣпостную, или судебную или казначейскую. Онъ платитъ за мѣстожительство, платитъ если издумаетъ оставить это мѣстожительство и отправится въ другое по желѣзной дорогѣ, и на новомъ мѣстѣ опять заплатить. Издумаетъ двѣ

онъ постропть домъ, онъ долженъ за это заплатить, задумаетъ застраховать его отъ огня, долженъ заплатить. Даже за простое удостовѣреніе, что онъ Иванъ, если Иванъ, а не Сементъ, не Андрей, или что довѣренность на получение рубля съ почты написана его рукой онъ долженъ заплатить. Оцпнилизовавшись и ставъ грамотнымъ, скопнвъ кое-какіе «деньжата» и вступнвъ въ сношеніе съ людьми», Робнзонъ является теперь вкладчнкомъ въ ту рубрику налоговъ, которая зовется «государственными регаліями» (это государственныя монополіи) и такъ или иначе участвуетъ въ горной подати, въ доходѣ монетномъ, почтовомъ, телеграфномъ. Чѣмъ больше у него является сношеній, тѣмъ больше онъ платитъ. Какъ велики будутъ, наконецъ, эти платежи, ни онъ самъ ни даже лучшіе счетчики казенной палаты и казначейства не сумѣютъ выложить на счетахъ. Но вся эта совокупность мелкихъ и повсюдныхъ платежей, не поддающихся никакому учету, выстѣ съ «курсомъ» составляетъ то, что възвѣстн подъ названіемъ «теперешней дороговизны жизни» (каждый знаетъ и очень хорошо). И только тогда, когда деревенскій Робнзонъ станетъ балкаркомъ и выстроитъ себѣ на Кузнецкомъ мосту или на Певскомъ проспектѣ палатцо съ цѣльными зеркальными окнами, онъ перестанетъ чувствовать мелкіе уколы косвенныхъ налоговъ и успокоится на 5-ти процентномъ платежѣ съ своихъ миллионныхъ доходовъ.

Косвенные налоги не чувствительны для богатей и минуотъ тѣхъ, кто, имѣя звѣрный образъ, ходятъ еще въ звѣрныхъ шкурахъ; но они немнны для тѣхъ, кто умѣщается между этими двумя крайностями, и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ плательникъ ближе къ звѣрнй шкурѣ. Даже питейный доходъ, такой повидмому—страшный и о тнтости котораго такъ много писали и нишутъ (онъ сталъ теперь еще тнгостнѣе), потому что онъ составляетъ 246 мил., не особенно тяжелъ для человека деревни. Питейный налогъ—налогъ больше городской, налогъ на городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, да пригородныхъ обнителей. Настояцій землевладѣлецъ, живущій настоящимъ хозяйствомъ, хотя тоже не «кисейная барышня» и выпнтъ иногда можетъ много, но онъ дѣлаетъ это только въ особнхъ случаяхъ, какъ свадьбы, крестны, похороны, большіе праздники. Поэтому съ 246 мил. съ землевладѣльцевъ едва-ли придется получить больше половины, т. е. миллионъ 120. Приложнвъ къ 110 мил. прямыхъ налоговъ, получнмъ 230—250 мил. или на плательника 5—6 рублей. Вотъ и все, чѣмъ деревенскій мужнкъ участвуетъ въ государственной росписи и въ платежахъ на правнтельственныя надобности.

Но есть еще отдѣлъ платежей, которыхъ городской обнтель не знаетъ, которыхъ въ государственной росписи не значится и которые подвергаютъ деревенскаго жителя въ самое меланхолическое настроеніе; это—тѣ платежи, которые мы провозноднмъ по земскимъ окладнымъ листамъ и по выкупу, лежащему на землѣ. Горше этихъ платежей нѣтъ ничего для мужнка. Если мужнкъ покупаетъ пол-

штофъ водки и платнтъ за него 40 к., то припомяна, что лѣтъ 25 тому назадъ за эти деньги можно было-бы купить штофъ, мужнкъ говоритъ, что водка вздорожала; но покупалъ хотъ и дорогую водку, онъ все-таки покупаетъ водку. И при платежѣ всякихъ другихъ косвенныхъ налоговъ можетъ быть рѣчь только о вздорожаніи, но предметъ налога, какой-бы онъ тамъ ни былъ, худой или хорошей, дешевый или дорогой, всегда есть на лицо. Косвенные налоги, падающіе на предметъ потребления, можно обвинять въ томъ, что они понижаютъ уровень требованій и вмѣсто настоящихъ предметовъ прнучаютъ къ суррогатамъ и всякимъ подмѣсамъ. Ради дешевизны покупается дрянъ, но и дрянъ эта все-таки предметъ, а не фнкція, которую несѣшь, но выпьешь и домой не прннесешь.

Но совѣмъ иначе съ налогами земскими (за которые, впрочемъ, совершенно несправедливо обвиняютъ земство) и съ выкупными платежами. Налоги эти выплачиваются большею частью за блага чисто фнктивныя. Просмотрнвъ окладной листъ, по которому я и мои сосѣди (мужнкы и не мужнкы) должны внести налогъ, мы не нашли ни одного реального блага, которое хотъ бы чѣмъ-нибудь украсило или успокоило нашу жизнь. А между тѣмъ этихъ благъ въ листѣ ровно 18! Тутъ и губернскія повинности, обязательныя и не обязательныя (содержаніе чего-то, что, однако, въ окладномъ листѣ не означено), содержаніе богоугоднаго заведенія, содержаніе воинскаго присутствія, содержаніе мировыхъ крестьянскихъ и судебныхъ учреждений, содержаніе земскаго управленія (5,725 руб.), наемъ квартиръ (содержаніе) для стнноваго, исправника, слѣдователя, наемъ (содержаніе) сотскихъ и десятскихъ. Затѣмъ идетъ подводная повинность (3,647 р.), дорожная повинность (гдѣ-то въ краю уѣзда есть кусочекъ какого-то большака, по которому никто изъ насъ не ѣздитъ, наши же проселки и мосты мы чинимъ натурой), общественное призрѣніе, народное здравіе, народное образованіе. После перечисленія всѣхъ этихъ благъ, внизу листа крупными и жирными буквами напечатано: «на удовлетвореніе такихъ расходовъ, назначено по раскладкѣ къ сбору по 17 1/4 коп. съ доходнаго рубля». Подумаешь, что мы какіе-то Ротшильды и можемъ сорить деньгами направо и налево. Живемъ мы совѣмъ въ заточеньи и такихъ заточеній, лежащихъ вдале отъ городовъ «большаковъ» и желѣзныхъ дорогъ въ Россіи десятки тысячъ. Не гонорн уже про цивилизацію, за которую мы платимъ и которую мы не видимъ, но еще не было примѣра, чтобы даже холера забралась къ намъ, до того русскія заточенья удалены отъ всякихъ центровъ и не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній. Въ цѣлый годъ (почти), что и здѣсь, я не слыхалъ о пріѣздѣ ни испрншника, ни стнноваго, ни урндника, ни члена управы, ни доктора, ни фельдшера, ни мирового, ни слѣдователя. Конечно, оподѣлаетъ честь нашему поведенію и доставляетъ намъ спокойствіе; но не слышкомъ ли мы уже дорого платимъ на содержаніе нашего уѣзнаго правнтельства, котораго никогда не видимъ и безъ котораго прекрасно обходн-

лесь? И попы докторъ (вообразалъ себя тоже правительствомъ) никогда къ намъ не заглядывалъ, даже когда ему пишутъ, что на дѣтей морь. А между тѣмъ на «народное здравіе» мы выплачиваемъ 6,898 р. Или, можетъ быть, мы никогда не хвораемъ, не порубаемъ себѣ рукъ и ногъ? На это можно дать такой отвѣтъ.

Первое время земство отдало все свое вниманіе народному здравію и сдѣлало очень много для развитія земской медицины, но это «много» было мѣстѣ съ тѣмъ и очень «мало». На губернскія и уѣздныя больницы потрачены миллионы, на ихъ отдавали свои средства и жители затолочій, никогда не выдавшие ни этихъ больницъ, ни больничныхъ докторовъ; чтобы земская медицина могла принести пользу всѣмъ затолочнымъ и не ограничиваться только резиденціей въ городахъ, въсто десятковъ миллионныхъ необходимо было бы потратить сотни миллионныхъ. Но гдѣ ихъ взять? Мужикъ, по своимъ средствамъ, можетъ заплатить доктору визитъ курьими яйцомъ, а доктору и полторы тысячи рублей жалованья въ годъ мало. Правъ и мужикъ, но правъ и докторъ. Какой-же выходъ? что тутъ дѣлать? И выходъ нашлся: земскій врачъ пересталъ быть идеаломъ, земская медицина вышла изъ моды, а народное здравіе оказалось представленнымъ «само себѣ». Въ этомъ моментѣ мы теперь и пребываемъ. Но предоставить народное здравіе самому себѣ—значитъ всѣхъ насъ заставить лѣчить другъ друга. Такъ мы и поступаемъ. Въ деревнѣ нельзя жить безъ того, чтобы не сдѣлаться лѣкаремъ; но какъ только вы вылѣчили удачно одного — двухъ, вашъ домъ превращается въ лѣчебницу для приходилыхъ. И гнать больныхъ нельзя; прѣдетъ къ вамъ мальчикъ съ обрубленными пальцами, баба съ порѣзанною серпомъ рукою, плотникъ съ порубленной рукою; во всѣхъ этихъ случаяхъ пужки не только помощъ, но и быстрая помощъ. И у насъ (тамъ, гдѣ я живу) вышла этимъ случайнымъ путемъ амбулаторія, и вотъ до какого размѣра она развилась. Въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ приходило больныхъ: ляхорадкой 130 человекъ (всѣ по одному разу и получали хининъ), глазами 10 человекъ, головными болями 4 чел., ожогами 1 чел., кашлемъ 11, поносами и желудками 17, ранами 11, всего 184 чел. Больные приходили изъ окрестности 10 верстъ.

Такимъ образомъ, внося въ земскій бюджетъ 17^{1/4}% подоходнаго налога, и не получая за это ровно ничего, мы не только въ народномъ здравіи, но и во всемъ предоставляемъ самимъ себѣ. Мы сами себѣ лѣчимъ, сами охраняемъ себя отъ воровъ, разбойниковъ и конокрадовъ, сами чинимъ иправляемъ свои дороги, сами наблюдаемъ за общественною нравственностью и вообще самоуправляемся, какъ американцы. Въ этомъ отношеніи русскія затолочья представляютъ весьма своеобразную противоположность русскимъ городамъ, гдѣ ужасно много управляютъ, слѣдятъ, надзираютъ. Можно подумать, что наши города за то и платятъ такъ много, чтобы ни управляютъ, а затолочья своими непроизводительными налогами

точно откупаются отъ всякаго надзора и управленія. Можетъ быть все это и не такъ, но оно такъ кажется.

У Г. есть одинъ рассказъ съ весьма глубокимъ общественно-психологическимъ смысломъ. Въ какомъ-то кавалерійскомъ полку (это было очень давно, кажется при Александрѣ I) служилъ командиромъ пруссакъ формалистъ, служака и настоящій вахтпараднй офицеръ. Онъ былъ до того строгъ съ неумѣлыми солдатами, и вовсе не отъ злого сердца, а такъ—для порядка и дисциплины, что не только солдаты, но унтеръ-офицеры и даже вахмистръ не смѣли подходить къ нему, иначе какъ съ музыкой. А «съ музыкой» значило то, чтобы у дрожащихъ отъ страха солдатъ звенѣли коленки шпоръ. Если же солдатъ не былъ пропикнуть спасительнымъ страхомъ и подходилъ безъ музыки, пруссакъ его тутъ-же на мѣстѣ преступленія наказывалъ фухтелями. Эта холодная, тупая, бесполезная жестокость возмущала наконецъ до того всѣхъ офицеровъ полка, что товарищи сговорились сдѣлать пруссаку замѣчаніе. Однѣ изъ офицеровъ сказали ему, что онъ вѣроятно самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ и что значитъ фухтель. Пруссакъ сталъ горячиться.—«Да вы не выдержите и десяти фухтелей!» говорятъ ему. — «Пари на дюжину шампанскаго», отвѣчаетъ пруссакъ.— «Идетъ». Выбрали офицера повыше и послали, пруссакъ снялъ сюртукъ, и офицеръ, обнаживъ саблю, влѣпилъ ему плетью въ спину 10 ударовъ. Пруссакъ выдержалъ, не поморщась. «Господа», сказалъ онъ, надѣвъ сюртукъ,—«вы видите, что я выигралъ пари, хотя мнѣ это было очень трудно; но къ дюжине, которую я выигралъ, я ставлю еще дюжину и даю вамъ честное слово, что не буду больше наказывать солдатъ».

Вотъ и мы, образованные, имѣемъ очень часто о налогахъ и курьѣ такое-же понятіе, какъ этотъ пруссакъ о фухтеляхъ. Должно быть налоги и курьѣ тоже пужко почувствовать на себѣ, чтобы вѣрно оцѣнить непосильную и невыносимую тяжесть, какой они ложатся на платящихъ. Ну что такое курьѣ, читатель? Въ биржевой хроникѣ газеты вы читаете, что на Лондонъ, на 3 мѣсяца, курьѣ 24³/₄, на Парижъ 257⁵/₈, на Берлинъ 207. Въдѣ это только цифры; но чтобы почувствовать эти фухтеля на собственномъ тѣлѣ, нужно ихъ испытать. Когда человекъ, принесъ 1,000 рублей въ банковскую контору, попроситъ размѣнять ихъ по курсу и когда ему дадутъ только 600 рублей, а 400 уйдутъ куда-то въ воздухъ, превратятся въ паръ, тогда только онъ почувствуетъ, что значитъ на Парижъ 257 и на Берлинъ 207. И къ налогамъ наше общество относилось всегда точно также платонически. Но когда, недавно, прошли слухи о 5% налогѣ на доходы и на купоны, тѣ же самые платоническіе сочувствители народа, для которыхъ платежи крестьянъ были также лены, какъ 257⁵/₈ на Парижъ, сейчасъ же стали «недовольными». И это только отъ 5%! Захолустная деревня сочла бы себя въ царствѣ небесномъ, если бы тоже внезапно свалилась съ неба такая благодать, которая обладала дѣлаетъ недовольнымъ. Деревня эта платитъ

въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ (если она не ходитъ въ звѣринныхъ шкурахъ), въ видѣ земскихъ повинностей (на потребности государственныя, на потребности земскія—губернскія и уѣздныя—и на частныя потребности обществъ и сословій), да на выкупные платежи не меньше 50% (есть и больше). Что бы почувствовалъ купонный обладатель, который при теперешнемъ 5% налогѣ заплатитъ съ двадцатилетскаго дохода 1,000 р., если бы съ него взяли 10,000 руб.! Вѣроятно онъ почувствовалъ-бы то же самое, что чувствуемъ и мы здѣсь, когда приходится отдавать половину дохода.

Это новое обложеніе лицъ, до сихъ поръ неплатившихъ, должно имѣть очень полезное общественно-воспитательное значеніе. И образованная масса получаетъ вѣрные понятія только тогда, когда она начинаетъ чувствовать вѣщи. Безъ подобныхъ практическихъ уроковъ она никогда не вырастетъ до общественныхъ чувствъ и общественныхъ симпатій, до того пониманія общественнаго равенства, которое, уничтожая исключительность и привилегіи, сливается въѣхъ въ одно общественное цѣлое, связанное взаимными интересами и взаимными тяготами. Подобное воспитаніе идетъ у насъ довольно медленно, но и то слава Богу, что оно еще идетъ. Всеобщій подоходный налогъ всталъ уже на очередь въ 1870 году, и тогда всѣ земства, и въ особенности петербургское, выразилось въ пользу его въ такой категорической формѣ, что если бы для осуществленія желаній земства не встрѣтилось препятствій, то задачи теперешняго министерства финансовъ были бы, конечно, пылы и во всякомъ случаѣ обладатели купоновъ давно бы успокоились, а если бы они и были недовольны, то, конечно, чѣмъ нибудь другимъ.

Если уничтоженіе податныхъ привилегій можетъ служить общественно-воспитательнымъ средствомъ, какъ это нужно думать, судя по однимъ фактамъ, то по другимъ фактамъ приходится сомнѣваться въ особенномъ значеніи этого воспитательнаго средства. Какъ я уже говорилъ, наши затолочья лежатъ внѣ всякихъ сношеній съ міромъ, не пользуются никакими благами цивилизаціи и всѣтаки платятъ за нихъ процентовъ двадцать подоходнаго налога. Почему это могло случиться, обитатели затолочья не только не знаютъ, но и не задаютъ себѣ этого празднаго вопроса и платятъ, не говоря ни слова, потому-что «ничего не подѣлаешь». Но у затолочнаго обитателя есть въ земствѣ свой выборный представитель, въ нѣкоторомъ родѣ парламентскій депутатъ отъ «гнилого мѣстечка». Какую-же роль играетъ этотъ депутатъ на земскихъ собраніяхъ и какъ онъ защищаетъ интересы своихъ избирателей?

Казалось бы, что депутатъ, дѣлая согласіе на

обложеніе извѣстнымъ налогомъ своего «гнилого мѣстечка», видитъ, конечно, что онъ обладаетъ и самого себя. Зачѣмъ-же онъ не только молчитъ, но еще и обладаетъ себя непосильнымъ налогомъ? А вотъ подите! Вотъ, напримѣръ, какимъ налогомъ обложилъ себя самъ нашъ депутатъ за 18 фиктивныхъ благъ: за 323 дес. всей земли, приносящей доходу 255 р. 90 к., онъ принялъ налогъ въ 44 р. 17 к., да за мельницу, приносящую 400 р. доходу—69 р. налогу итого за 655 р. доходу онъ принялъ подоходный налогъ въ 113 р. 17 к., тогда-какъ купонный обладатель такого же дохода заплатитъ лишь 32 р. 50 к. Почему же депутатъ отъ «гнилого мѣстечка» не протестовалъ, почему онъ производилъ раскладку не по дѣйствительному пользованію благами цивилизаціи, а огульно?

Очень можетъ быть, что если бы депутатъ отъ «гнилого мѣстечка» вздумалъ выступить на земскомъ собраніи съ вопросомъ о податной справедливости, то былъ бы за это побитъ камнями. Простое требованіе справедливости могло бы быть даже объяснено, какъ желаніе свалить налоги съ своихъ плечъ на другія и справедливый депутатъ угодился бы тому волю, котораго звѣрное общественное мнѣніе принесло въ жертву богамъ за клочокъ сѣна. Но тутъ вопросъ не въ одной податной справедливости, а и земской, общественной зрѣлости. Всякій, кто платитъ налоги, этимъ самымъ пріобрѣтаетъ право знать, какіе это налоги, на что они идутъ и дѣйствительно ли они расходуются правильно. Поэтому каждый выборный представитель какого бы ни было мѣста или мѣстечка, хотя бы самаго гнилого, если онъ понимаетъ, за что онъ взятъ, долженъ защищать интересы своихъ избирателей, а не считать свое полномочіе въ томъ, чтобы изображать пзъ себя на земскихъ собраніяхъ глухо-нѣмого. Вотъ до этой-то азбуки общественнаго представительства, извѣстной въ Европѣ каждому деревенскому мужику, у насъ не доросли еще люди, даже кончившіе курсъ въ университетѣ. Земскія собранія могли бы быть очень хорошей подготовительной школой, но къ сожалѣнію они ею до сихъ поръ еще не сдѣлались.

Я не говорю здѣсь объ общемъ сокращеніи налоговъ: это пока для Россіи невозможно. Но для того, чтобы гнилыя мѣстечки за мракъ и холодъ, въ которыхъ они пребываютъ, не платили бы столько, сколько платитъ купонный обладатель, весь трудъ котораго заключается лишь въ томъ, чтобы два раза въ годъ отрѣзать купоны и обмѣнивать ихъ въ банкѣ,—въ насъ самихъ, во всѣхъ платящихъ и неплатящихъ, вѣроятно достанетъ чувства справедливости. А въ такомъ случаѣ я позволю себѣ пожелать мужества всѣмъ земскимъ депутатамъ отъ «гнилыхъ мѣстечекъ», недостатокъ котораго они прежде всего чувствуютъ на самихъ себѣ.